

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ
Donat

СЫН И БАТЯ

ищут маму

АНАСТАСИЯ ИВАНОВА

Анастасия Иванова

Сын и батя ищут маму

«Автор»

2026

Иванова А.

Сын и батя ищут маму / А. Иванова — «Автор», 2026

— У меня к тебе выгодное предложение: два по цене одного. Мальчик смотрит на меня так серьёзно, что не остаётся никаких сомнений, он идёт на сделку века.— И что я приобретаю?— Классного сына в моём лице, а в комплекте годный мужик в лице моего бати. Всё-таки не выдерживаю и выпускаю рвущийся наружу смех. Смеюсь недолго. До тех пор, пока горячее дыхание не обжигает кожу шеи. Поворачиваю голову и попадаю в плен карих глаз, так похожих на глаза мальчика.— Так что ответишь, Мира, берёшь нас?***Он наглый, упрямый и на десять лет моложе меня. У него есть сын, его точная копия. И они хотят меня в свою жизнь, несмотря на мои сопротивления.

© Иванова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сын и батя ищут маму

Пролог

— И что, батя, ты так просто возьмёшь и отпустишь её?! — сын злится на меня.

Не-ет.

Здесь не только злость, ещё и разочарование, поэтому он и не смотрит больше в мою сторону, а только вниз, на гостиную, где под покровом темноты из дома сбегает наша гостья. Её тихие осторожные шаги звучат оглушающе.

Около входной двери она задерживается, оглядывается, и мы с Дисей как по команде задерживаем дыхание. Передумает или нет? Ну же, давай, малышка, откинь в сторону все сомнения, переступи через страхи и останься со мной. С нами.

Щелчок дверного замка.

Справа досадливый вздох сына.

— Ушла, — констатирует он тихо, прежде чем выйти из нашего укрытия и скрыться в своей спальне.

— Ушла, — вторю и понимаю, как неправильно звучит это слово. Срываюсь с места, сбегая по лестнице и сразу на улицу. Снег холодом обжигает голые ступни, но я не обращаю на это никакого внимания. Наверное, выгляжу как сумасшедший новогодний эльф в одних пижамных штанах, но сейчас не до имиджа.

Подбегаю к машине, дёргаю водительскую дверь.

— Выходи.

Не жду ответа, сам выдёргиваю Миру из салона. Дотягиваюсь до кнопки зажигания и вырубая двигатель.

— Хрен ты уедешь, ясно? — шепчу со злостью, глядя в голубые глаза, в которых застыла растерянность.

— Мы договаривались, я задержусь у вас, пока замечена дорога. А дорогу, кажется, только что расчистили.

— Договорённости отменяются, Мирослава Леонидовна. Видела объявление? «На каждого сбежавшего гостя — бесплатный Дед Мороз с мешком и обратной доставкой на дом».

Закидываю Миру на плечо. Она пытается сопротивляться. Брыкается, ругается, но я не обращаю внимания, возвращаю беглянку в дом. Мирослава затихает, боясь разбудить Одиссея. Я ставлю её на пол в прихожей, чем она тут же пользуется — делает пару шагов назад, спотыкается о забытую вечером настолку и только поэтому останавливается.

— Жень, ну что за глупость? Ты же знал, что я уеду.

— Знать-то знал, — отвечаю, переводя дух, ерошу волосы в попытке хоть чем-то занять руки, иначе я за себя не ручаюсь и одной вредной занозе будет несдобровать! — Но я не думал, что ты решишься на побег в ночь под Новый год! Это же нарушение всех неписаных правил! Всё, Мирослава Леонидовна, вы попали. Теперь вы у эльфов в чёрном списке. Не получишь под ёлочку шоколадных конфет, а только ириски “Кис-кис”, весь день будешь их от зубов вместе с пломбой отдираать.

Мира тихо прыскает от смеха, но тут же прячет улыбку. Снова строит недовольную мину, скрещивая руки на груди.

— Какие ириски, Жень? Ты совсем рехнулся?

— Ага, — киваю, замечая краем глаза выглянувшего из-за перил Дисю.

— Пап, держи.

Сын выходит из укрытия, когда понимает, что его рассекретили. Протягивает мне моток верёвки. Лыбится от уха до уха, и я от него не отстаю. Не сговариваясь, медленно выдвигаемся в сторону нашей гостыи.

— Эй, ребят, вы чего удумали? Зачем вам верёвка?

— Это наша страховка, чтоб ты больше не сбежала.

Делаю выпад в её сторону, но Мира с визгом ускользает прямо из моих рук, а потом и от рук Одиссея уворачивается. Убегает, звонко хохоча.

— Тогда вам придётся сначала меня поймать.

Переглядываемся с сыном, понимаем друг друга без слов, срываемся и несёмся следом за Мирой в попытке её догнать.

Три дурака, решившие поиграть в догонялки в три часа ночи по всему дому. Когда снова оказываемся в гостиной, перехватываю Миру и валю её на разложенный диван, где ещё вечером мы втроем устроили пикник. Поедали пиццу и пересматривали “Один дома”.

Рядом с нами на диван запрыгивает Дися.

Довольный пойманной добычей.

— Пап, предлагаю назначить штраф за побег.

— Согласен.

— Какой ещё штраф?! — в голосе Миры хоть и звучат нотки возмущения, но она не менее счастлива, чем мы.

— Завтра съешь на три мандаринки меньше.

— Не-ет! Дися, это очень жестоко.

— Ты хотела бросить нас, — сын вроде и шутит, но обида проскальзывает в его голосе.

Лёгкость, что ещё недавно витала в воздухе, испаряется. Мира умоляюще смотрит на меня, только я не собираюсь упрощать ей задачу.

Тяжело вздохнув, она переводит взгляд на Одиссея:

— Дись, я в любом случае не могу с вами остаться...

Глава 1

— Жек, там к тебе, — Семёныч опасливо оглядывается, будто там за мной черти из самого ада явились. Не меньше. Запнувшись, механик заканчивает предложение: — Пришли.

— Пусть ждёт.

— Мы пытались её остановить, предложили чаю, журнальчики там полистать... Бесполезно. Она как танк. Удивительно, что сюда ещё не прорвалась.

Взволнованный вид здоровяка вызывает усмешку. Так и представляю, как Семёныч, бывший бодибилдер, а ныне один из лучших ремонтников двигателей, сражается с незванным гостем, но в итоге проигрывает битву.

Несмотря на забавность ситуации, дурное предчувствие зарождается глубоко внутри. Кому я мог понадобиться?!

Я в этот город перебрался недавно, требовательными любовницами обзавестись ещё не успел. Кредитов не брал, чтобы из меня пришли деньги вышибать. Времена, когда у каждого бизнеса должна быть крыша, давно прошли. Так что остаётся открытым вопрос: кого ребятам не получается удержать?

С глухим стуком закрываю ноут и выхожу из своего кабинета в клиентскую зону.

Я сразу понимаю, про кого говорил Семёныч. Эту гостью не остановил бы ни бетонный забор в три метра, ни колючая проволока под током.

Женщина была низкого роста, но держалась так, словно все вокруг мелкие букашки. Царапала острым взглядом полного высокомерия и ненависти ко всему миру. Аристократка в пятом поколении, искренне верящая, что она и ей подобные лучше остальных.

Я надеялся, что никогда больше не увижу это лицо. Аглая Фёдоровна Ворохова. Стоит посреди моей новой автомастерской с дорогим ремонтом, где за стеклянной стеной обслуживаются редкие тачки на высококачественном оборудовании. Только она осматривает обстановку с таким отвращением, будто находится на помойке и боится запачкать свою безупречную репутацию одним присутствием здесь.

— Аглая Фёдоровна, зачем пожаловали?

— Здравствуй, Евгений. Прошли годы, а манеры и воспитание у тебя так и не появились.

— Какая досада, — не скрываю сарказма в голосе. — Так что вам нужно?

— Где мы можем поговорить без свидетелей?

Она кидает недовольный взгляд сначала на клиентскую зону, где на комфортных кожаных диванах разместились посетители и ожидают свои машины. Потом к рабочей стойке на моих сотрудников, что поглядывают в нашу сторону, не скрывая своего любопытства.

При других обстоятельствах я бы ни за что не согласился оставаться с ней наедине, но сейчас отхожу, кивая в сторону своего кабинета. Разворачиваюсь и иду первым.

И тут... шаги.

Не её твёрдые чёткие на каблуках, отбивающие дробь по плитке. Другие. Немного короткие, шаркающие. Будто за мной нехотя идёт... ребёнок.

Я резко оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с карими глазами. До боли знакомыми. Такие на меня каждое утро и вечер глядят из зеркала.

Весь мир рушится, сжимается в одну точку — в лицо этого мальчишки.

Мне с трудом удаётся сохранить покерфейс, ни одним взглядом, ни одной мышцей лица и тела не выдать тот шторм эмоций из шока, ярости, паники и полного неверия, что бушуют внутри меня. Разрушают. Уверен, именно этого Ворохова и добивается. Сделать мне больно. Насладиться моей растерянностью. Но не дожждётся. Я такого удовольствия старой карге не доставлю.

Откуда берутся дети, я знаю. Почему не знал о пацане, догадываюсь. Остаётся один вопрос: “Для чего она мне его показала?!”

ОНА.

Старая бабка, ненавидящая меня.

А не её внучка, моя бывшая и мать пацана.

С Элеонорой я начал встречаться в старших классах. Сразу после выпускного мы сбежали из дома. Жили в маленькой съёмной студии в Химках. Мне было всё равно, где жить, но Эле было тяжело. Это только звучит романтично: “с милым рай и в шалаше”. На деле романтика быстро закончилась, и началась реальная жизнь без привычного комфорта.

Всё-таки просторная сталинка в центре города, где всегда чисто и есть готовая еда, лучше, чем конура за МКАДом хоть и с любимым, но нищим студентом.

Пока я работал после пар, Эля кутила. Примерная девочка вырвалась из-под тотального контроля бабки и пошла в разгул. Именно из-за этой свободы она и оставалась со мной.

Наша совместная жизнь продлилась целых пять месяцев, пока я не узнал, что Эля спит со всеми подряд. Как в дурацком анекдоте: вернулся домой раньше, а она там с соседом дядей Васей, что пообещал ей новое платье и сумку купить. Я в тот же вечер собрал все её вещи и отвёз обратно к бабке.

Больше я ничего не знал о её судьбе.

И вот спустя семь лет привет из прошлого.

— О чём вы хотели поговорить? — смотрю старой карге прямо в глаза.

— Забирай! Я пыталась сделать из него человека, но видно, гены простолюдина оказались слишком сильны. Его невозможно обучить манерам, он совершенно неуправляем!

— Так он вроде ребёнок, а не робот, чтобы им управлять.

Лицо и шея Аглаи Фёдоровны от злости идут красными пятнами. Губы поджигает в тонкую нить, и они теряются на её худом лице.

— Что моя девочка только нашла в тебе?! Ты ей всю жизнь загубил! — ныряет рукой в свою сумку, достает оттуда папку, цедит с презрением: — Это документы щенка.

Чуть ли не швыряет и уходит.

И только сейчас я позволяю себе снова посмотреть на пацана. Разглядываю как следует. Ищу в нём хоть что-то от Эли. И не нахожу. Похож на меня и взглядом упрямым, и дерзкой усмешкой. Он даже позу мою зеркалит.

Голубая рубашка в мелкую клетку торчит из-за пояса классических брюк. Жилет в тон брюкам расстегнут.

Мда, только старая карга могла так одеть ребенка в жаркий августовский день.

— Долго ещё изучать меня планируешь?

В детском голосе нет ни намёка на страх. Только дерзкий вызов.

Ну что, Жекич, ты же любишь преодолевать испытания.

Дерзай.

— Ну, здравствуй, сын.

Глава 2

Главная абсурдность ситуации заключается в том, что я не знаю имени собственного сына.

Можно посмотреть в документах, но правильнее — узнать лично. Только фраза “Сын, давай знакомиться” встает поперёк горла.

Пацан наслаждается моей растерянностью не скрываясь. Смотрит знакомым прищуром. Даже цокает языком, как я!

— Странная ситуация, да, батя?

— Раньше в такой бывать не приходилось, — усмехаюсь. — Имя-то скажешь?

— Одиссей.

Вот сейчас нейтральное выражение на роже удержать не получилось.

Старая карга совсем крышой поехала?!

Пацан воспринимает моё растерянное и даже злое лицо на свой счёт. Сразу ощетиливается.

— Не веришь? Так ты доки глянь, батя. Там и имя есть, и дата рождения, вдруг засомневаешься, что я твой сын.

— В этом сомневаться точно не приходится.

Растираю лицо.

Чёрт.

Я совершенно не представляю, что делать дальше. Я младший в семье. Это Вадик с нами возился, пока мама на сутках была или отсыпалась после смен.

Может, позвонить брату, узнать, что делать с шестилеткой?

Не, тогда Вадик сразу примчится. Мы выросли, но у брата привычка нас опекать никуда не делась. Я поэтому и уехал в другой город. Родственники — это хорошо, но родственники на расстоянии — лучше.

О, у меня же есть соседка, на которую я должен был напасть по просьбе её детей! А их бы папка спас её. Эти предприимчивая мелочь как раз ровесники Одиссея.

Мысленно содрогаюсь от этого имени. Почему не Вася? Или Ваня? Да пускай Ерофей бы был. Но откуда взялся Одиссей?

— Ладно, по ходу пьесы разберёмся, — произношу вслух самому себе, а потом снова смотрю на пацана, который, несмотря на свой возраст, покерфейс держит умело. — Поехали.

Мои сотрудники, которые в этот момент были в клиентской зоне, с любопытством косятся в нашу сторону, но хватает один раз строго зыркнуть, чтоб все вернулись к своим делам.

Сплетен в любом случае будет не избежать, и толку что коллектив мужской, если обмыть косточки, тем более шефу, любят похлеще базарных баб.

На улице, около входа в мастерскую, стоит кожаный чемодан советских времён. Парочка таких у нашей бабки на чердаке валялись. Она в них газету хранила, чтобы была, когда обоим нужно будет переклеивать.

— Это ещё что?!

Оглядываюсь по сторонам, пытаюсь понять, кто мог оставить, но поблизости никого.

— Мои вещи, — Одиссей стыдливо морщится, осматривает свой внешний вид и вздыхает.

— Что-то важное там есть? Какая-нибудь любимая игрушка, не знаю.

Чешу репу, совершенно не понимая, что делать дальше, но одно сразу ясно: пацану не нравятся его нынешние шмотки. Не осуждаю, я бы в таком тоже ходить не хотел. Может, на старуху Шапокляк в суд подать за моральное насилие над ребёнком? И за то, что скрывала от меня сына.

Человека она из него сделать пыталась, видите ли...

Сжимаю кулаки от злости и бессилия, если бы я знал раньше, никогда не позволил бы этой чокнутой ведьме приблизиться к моему сыну.

— Нет, бабушка не разрешала привязываться к вещам, а одежда... — пацан пожимает плечами, — это просто шмотки.

— Тогда в помойку, — констатирую, подхватывая чемодан, и тащу к мусорному баку. Одиссей смотрит за этим с каким-то немым восхищением и удивлением. На всякий случай переспрашиваю: — Точно ничего не надо?

Он мотает головой, и я отправляю чемодан туда, где ему самое место.

— Чё, так можно было?! — Одиссей смотрит на мусорный бак, а потом быстро сдирает с себя ненавистную жилетку и отправляет туда.

И впервые за нашу встречу я вижу на его лице искреннюю улыбку.

Может, всё будет не так сложно, как кажется на первый взгляд? Тем более он уже взрослый. Говорить и понимать умеет. Значит, договоримся.

— Поехали в магаз, нормальных вещей возьмём, ну и остальное.

— Чё, батя, решил пойти по простому пути и просто купить мою симпатию? Да ты не напрягайся, мне бабушка всё доходчиво объяснила: либо с тобой жить, либо в детдом.

Снова чувствую бешенство на старую каргу, хочется догнать её и запихнуть в психбольницу.

Отмахиваюсь от этой мысли как от назойливой мухи. Не сейчас. Сейчас нужно решить более важные вопросы.

Открываю дверь машины:

— Ну, раз старая карга всё объяснила, садись, поедem в детдом. Шутка.

Одиссей фыркает, но забирается на пассажирское сиденье, с интересом оглядывая салон. Наблюдает, как я обхожу машину, занимаю водительское место. Завожу мотор, пристёгиваюсь. Дися следует моему примеру, тянет ремень безопасности.

— Ты бы, батя, детское кресло мне купил, а то штраф словишь.

Киваю.

Мысленно добавляю автокресло к остальному списку: одежда, игрушки. Он же ещё играет в игрушки или уже нет? Машинки на пульте управления точно никому не помешают. Полотенце, зубная щётка. Что ещё?

Смотрю в зеркало заднего вида. Дися сидит ровно. Он не ёрзает, не дёргается, смотрит в окно. Слишком спокоен для шести лет. Слишком отстранён. Как будто оценивает обстановку, врага, слабые места. Просчитывает свои дальнейшие действия.

— Что ещё тебе бабушка “доходчиво” объяснила?

Не выдерживаю тишины в машине, да и просто хочется докопаться до правды.

Сын пожимает плечами.

— Батя, тебе хочется знать, тяжело мне с ней жилось или нет? — спрашивает прямо, а потом усмехается: — Скорей ей со мной. С малолетним уголовником. И позором великого рода.

Хмыкаю, узнав в словах сына речи Волоховой, и верю ему, что, несмотря на тиранию, в которой он рос, Одиссей не давал себя в обиду.

— Ну что, Дися, ударим по мужскому шоппингу? — спрашиваю, заезжая на парковку торгового центра. — Чур, уговор: берём только то, что нравится. Все эти брюки, рубашки и прочую хрень для приличных мальчиков обходим стороной. По рукам?

Протягиваю руку, по которой ударяет детская ладонь, закрепляя нашу первую договорённость.

Глава 3

Торговый центр в полдень буднего дня пустынен. Консультанты в детских отделах набрасываются на нас с жадностью, от которой хочется пятиться. Одиссей с любопытством рассматривает всё по сторонам, но держится около меня. Не рвётся вперёд. Ломаёт все мои представления о детях. Сколько раз я видел их в торговых центрах, на улице, они всегда мне казались шумными и совершенно неуправляемыми существами.

Дися же не кричит, не бежит. Идёт спокойно рядом. Лишь когда очередной консультант выпрыгивает из-за угла с широченной улыбкой и алчным блеском в глазах, Одиссей невольно делает шаг в сторону, прячась за меня.

— Мальчику что-нибудь подобрать? У нас новые коллекции! — девушка в строгом костюме сияет улыбкой, от которой у меня самого зубы сводит.

— Не надо! — отвечаем с сыном хором, так же не сговариваясь, разворачиваемся и практически сбегает из магазина.

— Они всегда так делают? — вдруг спрашивает сын.

Жму плечами.

— Часто, а ты что, не ходил с каргой в магазины?

Наверное, это не педагогично — называть при нём Аглаю Фёдоровну каргой, но что поделывать. Старуха сама виновата: не дала мне времени изучить пособия по общению с детьми. Да и не увидится больше Дися с ней никогда.

Теперь сын пожимает плечами:

— Бабушка считала это пустой тратой времени, которое лучше посвятить игре на баяне или чтению.

Какой баян?!

Какое чтение?!

Ребёнку шесть лет, а он даже в торговом центре не бывал!

— Шопинг откладывается, — выплёвываю со злостью.

Со злостью на Элю за то, что бросила нашего сына со своей бабкой. Со злостью на каргу за то, что лишила моего сына детства. И на себя. Потому что незнание не освобождает от ответственности.

— Пошли.

Дися удивляется резкой перемене моего настроения. Но послушно идёт следом со мной к эскалатору. Мы поднимаемся на последний этаж.

— Ого! — срывается с губ Дисы, когда видит огромный вход в виде пасти динозавра.

Он останавливается. Рассматривает огромную зелёную фигуру, которая склонилась длинную шею и доброжелательно открыла пасть. Сверху смотрят на нас две пары жёлтых глаз, будто спрашивая: осмелимся ли войти или нет.

— Идём, — кладу руку ему на спину между лопаток, подталкивая вперёд.

Про себя отмечаю, что Дися не отпрянул, не сбросил мою руку. И радуюсь этому.

— Добрый день, — на входе нас приветствует рыжая девушка в простых джинсах и футболке, — впервые у нас?

— Да.

— Тогда, если не против, я вам быстро расскажу, что у нас есть.

Мы с Одиссеем переглядываемся, а потом киваем. Девушка начинает рассказывать, на какие зоны делится их игровой центр. Объясняет правила поведения и как играть в автоматы. После чего отправляет в кассу, чтобы мы могли приобрести специальные жетончики.

И вот спустя время мы проходим через турник и замираем. Даже у меня от восторга и многообразия перехватывает дух. Про Дисю вообще говорить нечего. Он выглядит потерянным и явно не верит в происходящее.

— С чего начнём?

Даже на простой вопрос у него не получается ответить. Он его будто не слышит. Поэтому принимаю решение за него: проследив за его взглядом, снова мягко подталкиваю в нужном направлении, пока мы не останавливаемся около аэрохоккея.

Протягиваю ему битку, но Дися вдруг отказывается брать. Прячет руки в карманы брюк, а на меня начинает смотреть исподлобья.

— Я не умею, — нехотя признаётся, но при этом поглядывает, как другие дети играют.

— Научишься. Давай.

Он сомневается.

Смотрит на меня с недоверием, но всё-таки принимает битку. Я ему показываю, как ей лучше скользить по столу, помогаю удобнее удерживать.

— Правила простые: не дать забить шайбу в свои ворота и забить её противнику. Ну что, погнались?

Дися ещё немного сомневается, но вдруг за соседним столом мальчик, его ровесник или даже младше, вскидывает руки вверх в победном жесте и издавая какой-то нечеловеческий радостный крик.

Я успеваю заметить зависть в глазах сына, прежде чем на её место приходит решимость, и мы погружаемся в игру.

Играем на равных. Я мог бы ему поддаваться, но не делаю этого. Потому что не хочу начинать наше общение со лжи. Да и неплохо Одиссей справляется! Сначала не получается, но после азарт, злость и упорство смешиваются в такой термоядерный коктейль, что ещё немного и можно будет отправлять на чемпионат.

После двадцатой партии, которую Дися к своему бешенству всё же проигрывает со счётом 11:9, у него дрожат руки от напряжения. Но в глазах горит огонь — не злости, а азарта, живого и настоящего.

— Ещё! — требует, вытирая потный лоб тыльной стороной руки.

— Потом, — качаю головой, забирая у него битку. — Смотри, какие горки есть. И лабиринт. И мягкие кубы, с них можно прыгать.

Одиссей с подозрением смотрит на разноцветные надувные сооружения, где всюду носятся визжащие от восторга дети его возраста. На его лице мелькает что-то вроде безразличия — всё-таки бабушкино воспитание даёт о себе знать. Аристократ не должен скакать как обезьяна.

— Это для малышей, — бубнит себе под нос, но глаз от огромной горки, заканчивающейся бассейном с разноцветными шариками, не отводит.

— Ну и пусть. Табличек с возрастным ограничением нет, значит, и нам можно.

— Ты что, тоже пойдёшь?!

— Пойду. Давно так не веселился, а ты можешь здесь в сторонке постоять или присоединиться.

Одиссей почти сразу меня догоняет.

— Бать, мы чё, реально туда пойдём?

— Ага. Назло старухе Шапокляк оторвёмся так, что ей от стыда икаться будет!

И с этим девизом мы забираемся на резиновую горку, а потом с громким смехом скатываемся в бассейн, наполненный цветными шариками.

Глава 4

В игровой комнате были.

Бургеры поели, газировкой запили.

Осталось разобраться с вещами. По пути к фудкорту проходили один магазин. Видел, как сын зацепился взглядом за манекен в витрине. Надеюсь, я считал сигналы правильно.

Мы идём именно в этот магазин. И когда Одиссей понимает, куда мы пришли, начинает немного нервничать. Вижу, как ему хочется рвануть вперёд, начать выбирать себе шмотки, но он сдерживает себя, остаётся рядом со мной.

— Выбирай что хочешь.

— Мне всё равно, в чём ходить, — бурчит сын, а сам косится на стеллаж с футболками.

— Окей, тогда берём всё.

Подхожу к футболкам, на взгляд нахожу нужный размер и сгребая все остальные, что есть здесь.

— Ты серьёзно купишь их все?!

— Да, а потом и остальные вещи. В том числе и вон ту фигню с ногами.

Киваю на какую-то непонятную штуку с руками и ногами миниатюрных размеров.

Неужели Одиссей тоже когда-то в такое помещался?!

Дися морщится.

— Это же для маленьких!

— Так мне откуда знать? А ты тут ненужную скромность включил и не хочешь говорить, что тебе нужно. Поэтому будет всё.

Дися переступает с ноги на ногу, а потом резко дёргается к выходу. К стойке с худи. Вытаскивает тёмно-синее с какими-то космическими кораблями на груди.

— Можно?

Киваю.

— Можно всё. Мерить будешь или так возьмём?

— Буду! — выпаливает, глаза блестят от живого интереса. — И эту!

И понеслось. Бегают по всему магазину, собирая вещи. Хватает всё, на что упадёт глаз. Пижамы, куртки, джинсы складываются в огромную гору, растущую с каждой секундой. Следов ещё пару кругов по торговому залу, убеждается, что больше брать нечего, скрывается за толстой бархатной шторой в примерочной кабине.

Когда Одиссей скрывается за шторой, я достаю телефон, вбиваю в поисковик вопрос: “Что ещё может понадобиться ребёнку?”

Офигеваю от количества инфы. И нигде нет готового списка!

Неужели так сложно написать: “Трусы, носки, зубная щётка и кубики”!

Он играет в кубики или уже взрослый для этого?

А мультики смотрит?

Чем питается? Кола и бургер — это, конечно, хорошо, но долго на этом не вывезешь.

— Эти подошли, — Дися протягивает скудный набор одежды.

Ладно, пускай хотя бы так. Докупить всегда успеем, а спорить из-за этого точно не планирую.

После магазина с одеждой заглядываем в обувной. Останавливаем свой выбор на кроссах.

Я не сразу понимаю, что случилось. Просто чувствую изменения, а что именно не так — долго не могу понять. Догадка молнией бьёт по темечку. Вызывает новый приступ гнева на старуху и на себя за тугодумство.

— Тебе что, твои ботинки были неудобными?! — стараюсь сдерживать гнев, но рычащие нотки всё равно проскальзывают наружу. Сын невольно втягивает голову в плечи, как какая-то черепаха.

— Малы были.

— И давно ты носишь обувь не по размеру?

— Нужно радоваться тому, что есть. У кого-то и этого может не быть.

Одиссей снова цитирует бабу, чуть кривляясь, а потом морщится, как от плохих воспоминаний.

— Она тебя наказывала? — спрашиваю шёпотом.

Не жду ответа, так как для это нужно доверие, а его пока нет.

— Просто она один раз наглядно показала, что таких благ, как одежда, может не стать.

Значит, старая карга любит наглядные уроки.

Договорились, я ей обязательно устрою такой урок.

Хочу предложить сыну заглянуть в магазин игрушек, но замечаю, как он зевает. Значит, оставим его на завтра, а пока домой.

— Автокресло, батя, ты так и не купил, — усмехается сын, устраиваясь на заднем сиденье.

— Завтра купим. Сейчас домой.

Закрываю дверь с его стороны, обхожу машину, чтобы занять место за рулём. И когда оказываюсь в салоне, понимаю, что за эти секунды Одиссей успел вырубиться.

Неудивительно.

Умаялся пацан, столько эмоций за один день.

Домой не еду. Ползу. Не хочу потревожить сон ребёнка. С особой шепетильностью объезжаю ямы, дорожных полицейских. А на каждом светофоре смотрю в зеркало заднего вида для того, чтобы убедиться: всё это реальность. Моя новая реальность, где у меня есть сын.

Въезжаю во двор. В гараж машину решаю не загонять. Глушу мотор и прислушиваюсь к тихому ровному дыханию. Дися вдруг вздрагивает во сне, что-то бормочет, но не просыпается.

Также не просыпается, когда я переносу его в дом. Устраиваю на кровать в гостевой спальне.

Сейчас Одиссей на огромной кровати кажется ещё меньше, ранимее.

Стягиваю с него кроссы, накрываю его одеялом и выхожу из комнаты. В кабинете беру ноут, спускаюсь на первый этаж. Быстро варю кофе, а потом с ноутбуком и бодрящим напитком выхожу на террасу. Начинаю штудировать информацию о детях в попытке за один вечер наверстать всё, в чем должен разобраться за шесть лет.

Нет.

Без помощи зала мне точно в этом не преуспеть.

Позвонить брату или маме?

Ни первый, ни второй вариант мне не нравится. Вадик примчится, будет носиться курицей-наседкой над нами. Не уверен, что Дися выдержит знакомство с дядей. А мама лишь разволнуется от неожиданного появления внука. Ей нельзя. Здоровье и так стало её часто подводить.

Значит, нужно разбираться самому, либо всё-таки просить помощи у посторонних.

Поднимаю голову, смотрю на дом, что виднеется чуть выше по улице.

Тяжело вздохнув, иду к нему.

Буду надеяться, соседи не откажут в маленьком инструктаже.

Глава 5

— Привет, а Тоня дома?

Смотрю на красивую девушку, а испытываю при этом острое разочарование. Не её я планировал застать в этом доме. Да и кажется, мне в ближайшее время вообще не до девушек будет.

— Они с Петей в отпуске, а что случилось?

Алина, кажется, так зовут блондинку, подозрительно прищуривается. Разглядывает меня с ног до головы.

— Совет нужен был. Ладно, пока.

Сразу разворачиваюсь и иду к дому, когда меня догоняют. Блондинка ловит мою руку.

— погоди! Сбежал куда-то сразу, — бурчит обиженно. — Что случилось? Может, я тебе подскажу?

— Если ты только что-нибудь понимаешь в детях.

— Ща! Стой здесь. Не уходи!

Алина возвращается домой, но через пару минут снова выбегает.

— Дети с бабушкой. Предупредила их, что мне нужно уйти. Пойдём, расскажешь, что стряслось, и вместе будем думать, как тебе помочь. А то у тебя вид какой-то потерянный.

Хмыкаю.

Потерянный — это мягко сказано.

Разгромлен и уничтожен одной-единственной новостью. За весь день окончательное осознание, что я теперь отец, до конца не приходит. Ощущение неправильности и нереальности преследует меня. Да, Одиссей — мой сын. Я в этом не сомневался ни секунды и не сомневался, но мне кажется, что вот сейчас распахну глаза и окажусь на больничной койке, а весь сегодняшний день — не что иное, как лихорадочный бред.

До моего дома мы с Алиной ведём ничего не значащую беседу. Обсуждаем погоду, фильмы в прокате. Алина интересуется, откуда я приехал, и я в общих чертах рассказываю о жизни в столице. Кем был, чем занимался.

— Чай или кофе?

— Кофе. Помочь приготовить?

Коротко мотнув головой, высыпаю в кофемашину зёрна и запускаю шумный агрегат. Ставлю одну кружку с кофе перед Алиной, вторую забираю себе. В шкафу находится коробка шоколадных конфет, которые я размещаю перед гостьей.

— У меня сегодня появился сын. Сразу готовый, шестилетний.

— Неплохой возраст, самые интересные истерики сразу перескочил, — Алина решает поддержать мою шутку, за что я ей благодарен. — Жень, я понимаю, что мы друг другу никто. Даже не соседи. Но если тебе надо выговориться, я готова выслушать.

Все любят разговаривать в поезде с соседями. Эффект попутчика. Выговорился и забыл. Таксисты, бармены, даже консультанты в магазинах — из той же категории. По воле судьбы Алина стала для меня таким таксистом.

Мне нужно было выговориться. Рассказать всё, что кипело внутри. Потому что, пока Дися не спал, я ещё мог держать себя в руках, а сейчас я в шаге от того, чтобы что-нибудь не разгромить.

— Мы с Элей начали встречаться ещё в школе... — откидываюсь на спинку стула и начинаю свой рассказ.

Откровения снежным комом вырываются наружу. Я припоминаю издевательства старой карги над Элей и как она пыталась запереть внучку дома, не давая мне общаться с ней. А потом

перехожу к сегодняшнему дню. Рассказываю всё, что произошло, начиная от визита старухи в мой сервис и заканчивая нашим походом по магазинам.

— Я не понимаю, почему Эля оставила ребёнка С НЕЙ? То, что не потянула материнство, ясно. Но свалить и бросить сына с этой чокнутой каргой — это выше моего понимания.

— Жень, а что с родителями Эли?

Хмыкаю, так как это звучит как глупая шутка или злая ирония.

— Не поверишь, сбежали. У Аглаи Фёдоровны два сына. Старший Митрофан и младший Авдей.

— Ты меня извини, но что в этой семье с именами? — Алина прячет лицо в ладонях и тихо смеётся.

— Потому что, по мнению Вороховой, обычные плебейские имена не для их прекрасной семьи. Имена — ещё одна попытка старухи поставить себя выше других.

Алина качает головой, а потом не удерживается и совершенно по-детски крутит пальцем у виска. Усмехаюсь. Точнее и не скажешь.

— Извини, я тебя перебила. Так что насчёт родителей?

— Митрофан был гордостью семьи. У старухи в квартире даже есть комната, посвященная ему. Все его награды: грамоты, кубки, медали — всё выставлено напоказ. В этой комнате бережно хранятся его детские вещи. В том числе первый выпавший молочный зуб и первая прядка волос. Ворохова готова была молиться на него. Он её никогда не разочаровывал. После школы пошёл учиться, куда сказала мама. Женился на той, которую назвала мама. Жил, как говорила мама. Все были счастливы, пока однажды в доме, где они жили, не случился пожар. Их квартира оказалась заблокирована, и спасти не успели.

— Какой ужас.

Киваю и перехожу к главному:

— Если до этого Вороховой не было дело до младшего сына и он жил как хотел, то тут бабка взялась за него. Но Авдей послал мать, а сам свалил жить за бугор. Почти сразу после его побега к Аглае Фёдоровне заявила девушка. Сиротка, которая забеременела от Авдея. Она хотела финансовой помощи, но Ворохова забрала девочку себе. Спасла от нищего существования, как она всегда говорила Эле. Насколько всё это правда, трудно сказать, но при всей мерзости карги она никогда не врала. Думаю, всё так и было.

— Я как понимаю, Эля стала для неё новой попыткой вырастить удачный проект после гибели любимого сына?

— Угу, — делаю глоток кофе, — но тут вмешался я и испортил девочку. И, видимо, отыграться она решила на моём сыне.

Глава 6

Алина не только выслушала, но и помогла советами. И на словах всё выглядело офигеть как просто.

“Сначала стань товарищем по команде”.

“Будь честным с ним”.

“Не торопи и не дави на него”.

Я ложился спать с полной уверенностью, что справлюсь. Только утром вся уверенность разбилась о взгляд маленького волчонка.

Сын заходит на кухню осторожно. Осматривается по сторонам, словно в любой момент из-за угла кто-нибудь выскочит и ему придётся отбиваться, защищаясь.

— Привет, как спалось? — привлекаю к себе его внимание.

Одиссей застывает на пороге, пожимает плечами. Наверняка думает, что это обычный дежурный вопрос, но нет.

“Не торопись и не дави на него”, — снова звучат в голове слова Алины.

— Ты что обычно на завтрак ешь? — виновато чешу затылок, разглядывая полупустой холодильник. — Честно признаться, я редко завтракаю дома.

— У бабушки на завтрак была овсянка. Без сахара. Одно варёное яйцо. Всытку. И стакан тёплой воды.

Звучало так, будто он зачитывал инструкцию по содержанию заключённого. Моя ненависть к Вороховой, кажется, растёт в геометрической прогрессии. Она намеренно лишала ребёнка любых радостей? Растила робота без эмоций.

— Овсянки нет, прости, сын, — говорю совершенно неискренне, но Дися улавливает мой тон, усмехается. — Как насчёт драников?

Дися пытается выглядеть безразличным. Пожимает плечами, но я замечаю, как его глаза загорелись неподдельным интересом.

— Раз возражений нет, значит, согласен.

Из шкафа достаю картошку, в выдвижном ящике беру овощечистку и маленький нож из специальной подставки.

— Держи.

Протягиваю рабочий инструмент. Дися вертит в руках овощечистку, рассматривает со всех сторон, а потом поднимает непонимающий взгляд на меня:

— Это что?

— Овощечистка. Кто больше картошин начистит за пять минут, тот выиграл. Проигравший моет посуду. Как тебе такой спор? Не трусишь?

Сын хмыкает. Подбрасывает свое оружие, снова ловит. Смотрит прямо мне в глаза, а там вызов.

— Бать, использование детского труда уголовно наказуемо.

Киваю с самой серьёзной миной.

— Так и признайся, что трусил проиграть.

Сын снова хмыкает. Берёт одну картофелину, тренируется на ней орудовать овощечисткой и, когда начинает получаться, вскидывает на меня взгляд, полный азарта.

— Поехали.

Беру телефон со стола, устанавливаю таймер и, словно мы на настоящих соревнованиях, начинаю отсчитывать.

Три. Два. Один.

Дися хоть и торопится, но чистит аккуратно. Он весь сосредоточен: бровки сдвинуты, кончик языка слегка виден в уголке губ. Я всё чаще отвлекаюсь на него и рискую проиграть,

но всё-таки у меня опыта больше, и, пока Дися справляется с одной картофелиной, я успеваю почистить две.

Таймер громко оповещает об окончании времени. Дися откладывает овощечистку, а я нож в сторону.

— Ну что, давай подводить итоги, — беру наши миски с очищенным картофелем и ставлю рядом. В моей оказывается больше, улыбаюсь сыну: — Уверен, в следующий раз ты окажешься впереди.

— Не-е, батя, ты посмотри на свою картошку. Халтура! Вон сколько кожуры оставил. И это я ещё молчу про жульничество.

— Какое жульничество?!

— А кто себе самые большие картохи отобрал? Если смотреть по количеству и качеству, я победил. Так что дуй, батя, к раковине.

Поднимаю руки, признавая своё поражение.

— Договорились, — смеюсь, беру грязный ножик и овощечистку, иду к раковине, — я мою, а ты тогда трёшь картоху на драники.

Выдаю сыну тёрку и поддвигаю миски.

— Батя! — Дися искренне возмущается, а потом и сам начинает ржать: — А с тобой опасно иметь дело, но ничё, я тебе это ещё припомню.

Через минуту я присоединяюсь к сыну со второй тёркой. Мне хочется его расспросить, как он жил, чем увлекался, узнать всё, что должен знать. Но я не рискую заходить на его территорию, поэтому рассказываю, как мы также с братьями готовили завтрак все вместе.

— Один раз Вадик и Костик оставили меня следить за омлетом, а сами пошли маму встречать к автобусной остановке после суток. А я убежал к маме в комнату, чтобы новую серию “Черепашек-ниндзя” посмотреть. В итоге омлет спалил.

— Тебя отругали, да?

— Слова не сказали. Но мне до сих пор стыдно. Отчетливо помню, как мама сидела на стуле, прислонившись к стене. Глаза закрываются от усталости, а она ждет, когда новый омлет приготовится, чтоб голодной спать не ложиться. И братья на меня в тот момент с немим укором смотрели.

Вдруг вспоминаю, как летом вызвался приготовить завтрак на всех, когда гостили у мамы на даче, но Вадик выгнал меня из кухни.

— До сих пор, засранцы, помнят эту историю, — смеюсь.

Дися тоже робко улыбается на мой рассказ. Поддвигает натертую картошку.

— Батя, ты только наш завтрак не спали, — не удерживается от колкости.

— Если не включишь “Черепашек-ниндзя”, всё будет супер!

— А я никогда их не смотрел, — вдруг признаётся сын, — вообще мультики не смотрел.

— Ща исправим, тащи из моего кабинета ноут.

Дися замирает, словно не верит услышанному.

— Давай-давай, беги, — и окончательно повергаю пацана в шок, когда начинаю петь: — Мы не жалкие букашки, супер-ниндзя-черепашки, панцирь носим как рубашки.

— Ты странный, батя, — выносит вердикт Одиссей и тут же со смехом добавляет: — Но мне нравится.

Глава 7

Спустя три месяца

— Евгений Тимофеевич, Одиссей сегодня снова подрался. Мало того что он сам устроил драку, так ещё и Рому в неё втянул!

— Я поговорю с сыном.

Сколько раз за последние три месяца я говорил это учителю? Сотню раз, не меньше. И я действительно каждый раз с ним разговаривал, но...

Но проходило несколько дней — и учитель Дисси снова оставляла меня на разговор.

Татьяна Валерьевна встаёт из-за учительского стола, скользит рукой по своему платью, что плотно обтягивает фигуру. Делает шаг ко мне, нарушая личные границы. Поднимает руку и стряхивает капли воды от застывших снежинок с моей кожаной куртки.

— Евгений, — переходит на томный голос, — я понимаю, Одиссей трудный ребёнок, а вы ещё и воспитываете его один. Вам тяжело и нужна помощь.

Вторая рука Татьяны Валерьевны ложится мне на грудь, где распахнута куртка. Чуть скребёт ноготком ткань футболки.

— Евгений, вы поймите, вашему сыну просто не хватает материнского внимания и любви.

Перехватываю тонкие руки, что уже совсем по-хозяйски начинают шарить по мне. Отбрасываю от себя. Получается немного грубовато, но меня это не волнует.

— Я как понимаю, вы готовы дать моему сыну это внимание и любовь?

— Конечно! Всё-таки я преподаватель, забота о детях — моё призвание.

— Отлично. Предлагаю вам проявлять заботу в стенах этого здания ко всем ученикам, которых родители вам доверили. А со своим сыном я разберусь как-нибудь сам, — разворачиваюсь и иду к выходу из класса, давая понять, что увлекательная беседа на этом исчерпана. — Всего доброго, Татьяна Валерьевна.

Выхожу из класса, сразу иду к скамейке напротив.

— Ну что, шпана? Кто драку устраивает?

— Бать...

— Дядь Жень...

В голос начинают Рома и Дисси, и лишь Рита невинно хлопает глазками, будто она мимо проходила, хотя эта бандинтка даст жару всем пацанам.

— Дядь Жень, не смотрите на меня так! Я просто сказала Петрову, что, обзываясь, он пытается казаться лучше, чем есть, но на самом деле всё наоборот, — Рита закусывает губу, что-то напряжённо вспоминая. — Слово есть, а я забыла...

— Самоутверждается? — подсказываю усмехаясь.

Рита тут же счастливо кивает.

— Да! Оно самое. Само... само... — сдаётся, машет рукой, — я посоветовала больше учиться, а он обиделся.

— Бать, он Риту учебником хотел ударить!

Сын снова завёлся, готовый в любой момент продолжить драку.

— Дисси, Татьяна Валерьевна на тебя через день жалуется!

— Дядь Жень, а вы не думали, что она таким образом вашего внимания добивается? Она молодая.

— Мне только училки дома не хватало! — Одиссей до глубины души оказывается возмущён предположением подруги. Настораживается и с подозрением косится на меня. — Нам вообще вдвоём хорошо. Да, бать?

— Согласен! Ладно, шпана, поехали домой.

Дети спрыгивают со скамейки, надевают куртки, шапки натягивают неохотно, после молчаливого напоминания. Рома берёт рюкзак сестры. И мы все вместе идём к выходу.

— Дися, училка дома — это удобно! И Татьяна Валерьевна от дяди Жени не отстанет, пока он не женится.

— Маргарита! — рывкую, оборачиваясь по сторонам, чтобы убедиться: никто больше не слышал этого юного психолога. Не поймут. — Тебе мама вроде как запретила подкасты слушать.

Запретила как раз из-за этого, что малышка в свои шесть лет любит ставить взрослых в тупик своими замечаниями. А всё потому, что наслушается советов психологов и давай сама раздавать. Иногда они были неуместны, а порой пугающе точны.

— Тут и без подкастов всё ясно, дядь Жень, — Рита флегматично пожимает плечами, — наших родителей не вызывают. Только вас.

— Значит, батя, тебе нужно найти для меня другую маму, чтобы училка от нас отстала.

— Не училка, а учительница. Татьяна Валерьевна. И никто никого искать не будет.

— Дядь Жень, не волнуйтесь! Мы сами всё сделаем, — вмешивается Рома. — Нашего папу мы нашли. Значит, и Дисе маму найдём!

— Вот как раз этого я большего всего боюсь, — бурчу себе под нос, так как реально становится страшно от мысли, что эта троица может учудить.

Я рад друзьям Одиссея. С Ромой и Ритой он подружился не сразу, но общая любовь доводить взрослых до седых волос их быстро сплотила. Как они втроём не разрушили наши дома — вопрос остаётся без ответа.

Но мы стойко переносим все их шалости. Привыкли, что эта тройка неразлучна. Одиссей ночует у Черновых так же часто, как Рома и Рита у нас. Тоня смеётся, говорит: ещё немного — и можно объединять наши дома.

Мы и детей забираем по очереди из школы, тем самым решив вопрос с няней.

Помогаю шпане забраться в автокресла и справиться с ремнями безопасности. Делаю фото для отчёта и отправляю Тоне.

«Что на этот раз случилось?»

Смотрю на детей, пытаюсь понять, где прокололся. Но ничего такого не замечаю. Чёрт, как только Тоне это удаётся?!

Возможно, это и есть материнское чутьё, которое по одной фотографии, по одному взгляду и малейшему изменению в интонации помогает заподозрить неладное. И сколько бы я ни старался быть классным отцом, какие бы курсы ни проходил и сколько бы ни читал книг, но мне не удастся заменить материнской любви.

Может, Татьяна Валерьевна и права?

Одиссею нужна мама с её любовью и заботой.

Глава 8

— Жень, спасибо ещё раз! Ты наш спаситель.

Тоня порывисто заключает меня в крепкие объятия, чем заставляет своего мужа недовольно пыхтеть.

— Угу, прям супермен, красных трикошек только ему не хватает.

— Петя!

Чернов вскидывает руки вверх, признавая капитуляцию, а потом жестом показывает, что рот на замке. Признаться, я думал, он после свадьбы успокоится. Меньше дёргаться из-за нашего с Тоней общения будет. Нет. Громкая свадьба, печать в паспорте и кольцо с булыжником у Тони на пальце не помогли Пете спокойнее реагировать на мужиков в радиусе меньше чем пять километров от его жены.

Стоит кому-то просто обратиться к Тоне, как Чернов сразу встаёт в позу. Одержимый идиот. Но надо признать, жену он любит. Не просто любит, он практически преклоняется перед ней!

Ещё никогда не видел, чтобы мужик с таким трепетом к жене относился. И чёрт, если и строить семью, то только вот так. Со слепой любовью, одержимостью, чтобы кроме НЕЁ и ваших детей не существовало другой вселенной.

— Татьяна Валерьевна сегодня интересовалась, почему ты уже неделю не приходишь за Дисей в школу.

Тоня ради приличия пытается скрыть веселье от сложившейся ситуации, зато Чернов ржёт в открытую.

— Странно, что она к тебе на порог ещё не явилась.

— Скоро явится, — соглашается Тоня с мужем. — Жень, надо что-то тебе делать. Может, и правда пригласишь её на свидание? А вдруг между вами полыхнёт искра? Никогда не знаешь, где своё счастье найдёшь.

Тоня косится на Петю, и в этом взгляде столько обожания, что я чувствую себя лишним.

— Не, Тонь, мутить с учителем сына я точно не буду. Да и Одиссей по этому поводу однозначно высказался. Ладно, мы пошли домой, ещё раз спасибо за ужин.

— Спасибо, что помог убрать со стола, пока некоторые прохлаждались.

— Эй! Не наговаривай, жена, я не прохлаждался, а следил за детьми. Не нравятся мне в последнее время их поведение, что-то задумали.

— Поэтому так палевно шпионишь? — ржу над другом, который продолжает стоять в проходе между гостиной и кухней, желая услышать, о чём шепчутся дети. — Не бойсь, Петь, убийство и грабёж отменяются. Они уже неделю строят планы по моей женитьбе. Подключили тётю Розу к этому делу и зарегистрировали меня на сайте знакомств.

— Да ладно?!

Чернов начинает так громко хохотать, что стёкла в серванте ходят ходуном.

— Угу. А в графе "дополнительно" указали: «Училок просьба не беспокоить».

Теперь мы вдвоём взрываемся смехом. Тонька тоже улыбается, хотя и качает головой.

— Конспираторы забывают чистить историю браузера, но пока им никто не понравился. Дися слишком щепетилен оказался в этом вопросе.

— Его можно понять, — мягко замечает Чернова, на что я киваю соглашаясь.

За последние месяцы, пока я пытался наладить контакт с сыном, устроить наш быт, мне было особо некогда искать Элю и старуху, которая смылась с радаров, но это не означает, что я всё забыл и спущу им с рук. Я оформил единоличную опеку над сыном. Добился запрета на встречи Вороховой с внуком, но этого мало.

Меня всё равно сжигает изнутри желание мести.

— Про Элю вообще ничего не слышно, — говорит Петя, — мы искали, но она будто сквозь землю провалилась пять лет назад. Ворохова после тебя села в самолёт и улетела в Стамбул, дальше её след тоже пропадает.

— Не могут люди бесследно исчезать.

Петя кивает соглашаясь.

— Слушай, завтра Дюша будет с семьёй. Попроси его о помощи, если кто-то и способен их найти, а ещё всю их подноготную, то только он.

— Кстати, пусть они и остаются в твоём доме ночевать. Им как раз две спальни нужны. Остальных сможем разместить у нас.

— Договорились. Спасибо, — пожимаю Пете руку.

Потом под строгим наблюдением Чернова обнимаю его жену. И иду за сыном в гостиную.

Стоит появиться в поле зрения детей, как они тут же обрывают свой разговор и заговорщически переглядываются.

— Пошли, Дись, домой. Завтра продолжите обсуждать план по захвату планеты.

— Кому она нужна? Вот мультивселенная... Бать, прикинь, где-то я изначально, с самого рождения жил с тобой. А где-то меня и вовсе у тебя нет.

— Не, пацан, этот вариант вычёркиваем. Не нравится он мне. Ты у меня есть, и больше никуда не денешься.

Хлопаю своего парня по спине, подталкивая к выходу.

Одиссей машет на прощание Роме и Рите. Пока одевается, рассказывает про мультивселенную. Строит всякие теории возможных развития событий.

Дома быстро переодеваемся в домашнее.

С гордостью хмыкаю, понимая, что Одиссей всё больше пытается подражать мне. Даже предпочитает схожую одежду. Сейчас я вижу свою точную копию. Те же серые штаны, футболка с высунутым языком – эмблемой "Роллинг Стоунз". У него так же взлохмачены волосы и перекачивается с пятки на носок, совсем как и я.

Одиссей зеркалит мой наклон головы, тоже пристально рассматривает меня. Оценивает. Но сейчас совсем иначе, чем три месяца назад. Тогда он прикидывал: достоин ли я быть ему отцом. Сейчас – нужен ли нам кто-то ещё.

Подхожу к нему, приобнимаю.

— Дись, если у нас и появится кто-то, то это будет наше общее решение, да?

Сын чуть заметно выдыхает.

Кивает.

Глава 9

— Дися, ты явно переборщил с моим парфюмом.

Усмехаюсь, когда вижу старательные сборы сына. Нужно было ему узнать о приезде Алины, как всё, «жених» начал подготовку к встрече с ней.

— И ты же помнишь, что тётя Алина вышла замуж?

Сын тяжело вздыхает, качает головой.

— Бать, вот что не так с этими женщинами?

— Дись, погоди, будет у тебя ещё своя Алина.

Одиссей снова тяжело вздыхает, но, согласившись, кивает.

— Ладно, бать, пойдём посмотрим, на кого меня променяли.

Дверь в дом друзей открыта. Скидываем верхнюю одежду и проходим на кухню. Дися тут же изучает избранника своей «любимой» женщины, корчит недовольную рожицу. Высказывает своё недовольство Алине и убегает к Роме с Ритой.

Вскоре приезжают ещё друзья Тони и Пети. Дом утопает в искреннем смехе, в дружеских препираниях, тёплых воспоминаниях. До Нового года две недели, но лёгкость и праздничное настроение уже витают в воздухе.

Омрачает вечер только вынужденный разговор с Андреем об Эле и её бабке, но и откладывать его не хотелось. Мне не терпелось найти их. Выяснить всю правду, а потом проучить.

Андрей соглашается помочь. Когда Петя ему рассказывает, что мы зашли в тупик, глаза Андрея загораются азартом. Он начинает закидывать вопросами, рассуждать вслух, как можно на них выйти. Кажется, ничего не сможет меня отвлечь от этой беседы. Даже ворчание Алины проходит мимо ушей. Пока в комнате не появляется она.

— А вот и я! — женщина улыбается, машет рукой, а я чувствую себя придурком, впервые увидевшим живую женщину.

Пялюсь на упругую грудь, туго обтянутую хлопковой футболкой, на джинсы, соблазнительно подчёркивающие стройную фигуру. Разглядываю каждую мелочь в её образе, а когда она выходит из комнаты, послушным телёнком плетусь за ней.

Незнакомка сворачивает в сторону гардеробной с верхней одеждой. Я захожу следом. Прикрываю дверь за нами, чтобы никто не помешал.

Вздрагивает, резко оборачивается. Улыбка быстро сменяется на недоумение. Чуть приподнимает одну бровь в немом вопросе: какого чёрта я творю.

Но я и сам не знаю.

Действую на голых инстинктах.

— Жень, — протягиваю ей руку.

— Мирослава, — немного мешкает, но отвечает.

Кажется, я совсем забыл, как нужно общаться с женщинами. Не до этого было, а может, виной всему именно эта женщина. Мозг отключился, активировались совсем другие части тела. Иначе я не могу даже самому себе объяснить следующие слова, которые срываются с языка:

— Ты не замужем, — констатирую, довольно разглядывая её правую руку: — Мне подходит.

Хмурится, а затем смотрит как на придурка.

Надо признать, в её глазах именно таким я сейчас и выгляжу.

Идиот, не мог нормально познакомиться? Завести обычную беседу? Например, спросить, как добралась. Нет же, решил не искать лёгких путей, а просто переть как танк.

«Эх, Жека, ты бы ещё на плечо закинул и в своё логово утащил», — мимолётная мысль быстро находит отклик в душе.

Даже делаю шаг к ней, но Мира вырывает свою руку из захвата.
— А ты мне нет.
Вылетает из гардеробной, словно самого дьявола встретила здесь.
«Поздравляю, Жекич, это фиаско!»

Мирослава

Что это сейчас было?!

Нет, я не про этого странного парня с его непонятным подкатом, а про свою реакцию на него!

Я зависла там, как первокурсница перед популярным мачо-старшекурсником. Стояла и пялилась в его карие глаза, на крупный нос и самоуверенную улыбку. Пыталась разглядеть татуировки на его шее, понять их смысл.

А ещё дотронуться.

Провести кончиком пальца по извилистому рисунку.

До меня и смысл его слов дошёл не сразу, а когда дошёл...

Боже...

Это всё усталость и одиночество, что уже который год сжирает меня изнутри! Только они виной, что мне захотелось на его слова ответить флиртом. Забыть о всех условностях и позволить маленькое безумство на одни выходные. Дальше я бы вернулась в родной город, и о случившемся никто бы не узнал.

Только я вовремя себе напоминаю: этот парень не случайный знакомый из клуба или бара. Он — друг моих друзей. И новые встречи неизбежны. И тогда мне придётся прятать взгляд, врать. Неловких ситуаций будет не избежать.

Нет.

Ни к чему усложнять себе жизнь.

Я трусливо сбегаю от него, от самой себя.

Сразу делаю глубокий вдох. Наполняю лёгкие чистым кислородом, вытесняя морозный аромат Жени, только это не приносит долгожданного облегчения. Дотрагиваюсь руки, где ещё недавно касался меня Женя. Кожа горит, в голове звучит его наглый голос, а стоит прикрыть глаза — вижу его обжигающий взгляд.

Мы провели в одной комнате меньше пяти минут, а он успел пробраться мне под кожу.

Выдыхаю.

И просто заставляю себя не думать о Жене. О чём угодно, но не об этом наглom парне.

«Вот именно, парне! Мира, очнись, он же моложе тебя! Сколько ему? Двадцать пять от силы? И ты ещё думала: посылать его и нет? Совсем одичала, Мира! Пора тебе на свидание выбраться».

— Мир, ты в порядке? — Савва ловит меня за локоть, внимательно заглядывает в глаза.

— Да.

Видит, что я вру, морщится. Мы выросли вместе, Макаров знает меня как облупленную. Смотрит за спину на дверь в гардеробную. Не вижу, но слышу, как открывается дверь, уверенные мужские шаги. Прикрываю глаза, чтобы даже случайно не встретиться взглядом с Женей. А когда открываю, вижу недовольное лицо друга. От его допроса спасает пикиканье моего телефона.

«Мирусь, нам нужно срочно поговорить»

— А ему что от тебя надо?!

Глава 10

«Мирусь, нам нужно срочно поговорить».

— А ему что от тебя надо?!

Хороший вопрос, на который мне и самой хочется знать ответ.

— Рождественская, только не говори, что ты его простила!

— Нет! — меня натурально передёргивает от одной мысли, что я могла простить и вернуться к бывшему мужу. Только не после всего, что он сделал. — Савва, успокойся, умоляю. Я не знаю, что ему нужно. Мы не общаемся. И я не собираюсь к нему возвращаться.

Макаров долго вглядывается в мои глаза, ищет хотя бы маленький намёк на ложь. Неужели я настолько жалко выгляжу, что лучший друг всерьёз думает: я смогу простить бывшему не только измены, но и унижения?

— Прости, просто я как вспомню... — Савва легко догадывается о моём возмущении, обнимает. — Хочешь, я снова с ним поговорю?

— Нет, иначе ты его точно прирёбьёшь, а этого допускать нельзя. У вас с Алинкой скоро пополнение.

Друг кивает.

— А Женя что от тебя хотел? Я видел, как он пошёл следом.

Жму плечами. Рассказывать другу о словах этого самоуверенного мачо не хочется, но залитое краской лицо меня выдаёт с головой.

— Он подкатывал к тебе?!

— Макаров, ты так удивляешься, будто ко мне и подкатить нельзя, — смеюсь, пытаюсь всё перевести в шутку. — Почему мы вообще должны это обсуждать?! Всё, Сав, выдыхай. Иди к жене, а то она, пока ты не видишь, налопается мандаринов, потом опять с сыпью мучиться будет. Я сейчас приду.

Друг бросает в сторону гостиной взгляд, ворчит, что когда-нибудь женщины сведут его с ума и, мол, он надеется, что Алина родит сына. Макаров снова вглядывается в моё лицо, выискивая что-то для себя. В итоге кивает и возвращается к общему веселью.

Я какое-то время вообще не могу пошевелиться. Глубоко дышу. Сначала этот Женя и его слова, потом СМС от бывшего, а до этого тишина. Сколько она длилась? Год, два? Нет, почти три года.

Три года назад я встретила Новый год в новом для себя статусе — в статусе свободной. Нас с Артёмом развели 30 декабря. Очень даже символично получилось. Всё старое оставила в уходящем году, и с 1 января я начала новую жизнь.

Только к новому статусу я оказалась не готова. Почти сразу кинулась в поиски новых отношений. Пыталась доказать себе и Артёму, что все его унижительные слова в мой адрес — ложь.

Но каждая попытка завести новые отношения терпела крах. За годы нашего брака Артём смог полностью уничтожить мою самооценку и поселить в моей голове столько страхов, что дальше третьего свидания моё общение с другими мужчинами не заходило.

В прошлом году я и вовсе оставила попытки с кем-то сблизиться. Приняла правду, что буду одна, потому что неполноценная, по словам Артёма, ненастоящая женщина, раз даже забеременеть не способна. А мимолётные интрижки меня никогда не привлекали. Но сегодняшняя встреча с наглецом, его слова...

«Нет, Мира, сейчас не время для глупостей».

Идти в зал, где общее веселье, я не готова. Поэтому нахожу кухню. В сушилке беру стакан и набираю ледяную воду прямо из-под крана. Успеваю сделать пару глотков, когда появляется он.

Сначала я чувствую его взгляд — жадный, собственнический. Он не просто смотрит на меня — лапает. Будто имеет на это полное право. А потом быстро сокращает между нами расстояние. Ловит в ловушку своих рук, окутывает головокружительным ароматом.

Он моложе всех тех, с кем я когда-либо встречалась, но такой сбивающей с ног мужской ауры я никогда не чувствовала.

Жене не надо что-то говорить или делать, ему просто достаточно находиться рядом. Прожигать меня своим золотистым взглядом, чтобы я почувствовала предательскую слабость в ногах, чтобы сердце пустилось в пляс, а мысли начали разбегаться в хаотичном порядке.

— Хочу извиниться, — бесцеремонно вторгается в личное пространство, с лёгкостью рушит все мои попытки выстроить границы. Нагло игнорирует мою руку, которой я пытаюсь его оттолкнуть. — Увидел — и башню снесло.

Женя склоняется, проводит носом вдоль лица, громко вдыхая мой аромат. От этого дикого жеста внутри что-то переворачивается. Сердце и до того бешено колотилось о рёбра, а сейчас и вовсе с ума сошло!

— Я же вижу, Мир, ты и сама не против нашего более близкого знакомства.

Его рука скользит по изгибу моей фигуры, очерчивает, останавливается на ягодиче, сжимает. Сдвигается чуть в сторону, и я оказываюсь окончательно зажата между ним и кухонным столом, который упирается в поясницу.

Наглец смотрит в мои глаза, и мне страшно представить, что он видит в них. Моё поражение перед ним, мою минутную слабость.

Заметил. Прочитал всё в моих глазах.

Ухмыляется. Наклоняется в желании поцеловать. Нет. Окончательно капитулировать перед ним я не собираюсь!

Выливаю на его голову ледяную воду из стакана, который всё это время продолжала удерживать.

— Охладись, мальчик, а то мерещится всякое.

Сбегаю в гостиную к остальным гостям. Находиться среди людей — сейчас самое безопасное для меня. Я болтаю с девочками, но то и дело кошусь в сторону входа в комнату. Только Женя так и не появляется. Неужели ушёл?

Чувствую лёгкое разочарование: ненадолго его настойчивости хватило. Но, может, оно и к лучшему?

Спустя время я и вовсе забываю о нём. Перестаю выискивать взглядом.

Дружеские беседы, детский смех и их непосредственная болтовня вытесняют всё: все грустные мысли, усталость. И я окончательно расслабляюсь. Но когда Женя появляется в другой, сухой футболке, я позорно сбегаю.

Прячусь в детской, хотя дети на первом этаже вместе со взрослыми. Сажусь на маленьком стульчике и вывожу цветным карандашом какие-то узоры, пытаюсь усмирить сбившееся дыхание и мысли, что галопом скачут от прошлого к настоящему, от страхов и сомнений к соблазну уступить желаниям.

Дверь в комнату едва слышно стучается ручкой о стену, и я оборачиваюсь, уверенная, что пришёл Женя. Но на его месте стоит мальчик. Одиссей. Смотрит серьёзно, сжимает руки в маленькие кулачки, а потом в несколько шагов приближается ко мне.

— У меня к тебе выгодное предложение: два по цене одного.

Мальчик смотрит на меня так серьёзно, что не остаётся никаких сомнений: он идёт на сделку века.

— И что я приобретаю?

— Классного сына в моём лице, а в комплекте — годный мужик в лице моего бати.

Всё-таки не выдерживаю и выпускаю рвущийся наружу смех. Смеюсь недолго — до тех пор, пока горячее дыхание не обжигает кожу шеи. Поворачиваю голову и попадаю в плен карих глаз, так похожих на глаза мальчика.

— Так что ответишь, Мира? Берёшь нас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.